

УДК 94(47)+929

«Европейская идеологическая дорога пройдена...» (евразийский взгляд Николая Трубецкого)

В. А. Митрохин

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, MitrokhinVA@yandex.ru

В статье рассматривается общественная и политическая позиция одного из признанных авторитетов первой волны российской эмиграции, лидера евразийского сообщества, князя Николая Сергеевича Трубецкого. На материале разнообразных источников проанализировано его отношение к ключевым вопросам государственного строительства, сформировавшееся под влиянием радикальной общественной трансформации в России. Важнейшие среди которых – национальный вопрос, место и роль идеологии, культурная и мировоззренческая ориентация интеллигенции, формирование «правлящего слоя», геополитическая составляющая будущей России – Евразии.

Ключевые слова: эмиграция, власть, идеология, национализм, запад, восток, интеллигенция.

“European Ideological Path has been Passed over...”
(Eurasian Stance of Nickolay Trubetskoy)

V. A. Mitrokhin

Vladimir A. Mitrokhin, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, MitrokhinVA@yandex.ru

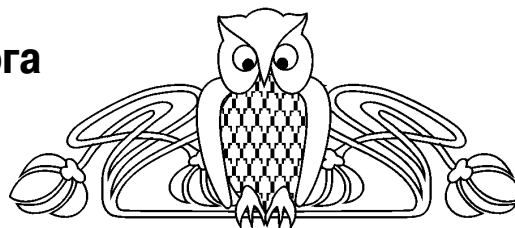
The article considers public and political stance of one of the respected thought leaders within the Russian “first wave” emigration, a front man of the Eurasian community, duke Nickolay Sergeevich Trubetskoy. His attitude to the key issues of state-building formed under the influence of radical societal transformation in Russia has been analyzed on the basis of different sources. The main of them are the so-called “national issue”, the role of ideology, cultural and worldview orientation of the intellectuals, “ruling class” formation, geopolitical constituent of the future Russia – Eurasia.

Keywords: emigration, power, ideology, nationalism, West, East, the intellectuals.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>

Одним из итогов драматических событий в России в 1917 г., последовавшей за ними братоубийственной войны стало формирование русского зарубежья или «России № 2», как его порой именовали бывшие подданные рухнувшей империи.

Рассеянные по разным, на первых порах европейским, странам россияне с разной степенью успешности осваивались на чужбине. Новая жизнь, а для многих просто невыносимое существование заставили не только решать насущные

бытовые и экономические проблемы, но и пересмотреть устоявшиеся взгляды и представления, по-иному взглянуть на прошлое и будущее. Не последнюю роль в формировании новой «картины мира» играли ожесточенная идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе и связанная с ней политическая практика.

Похоже, прав был Карл Кочаровский, видевший в самом существовании русского зарубежья своеобразную социальную «лабораторию», «крах максимализмов» и, что чрезвычайно важно, «начертание будущего Отечества»¹.

Яркой персоной русского зарубежья и по сути политическим лидером евразийского проекта стал Николай Сергеевич Трубецкой. Его заграничная жизнь началась с эмиграции в Болгарию в 1920 г., где он некоторое время преподавал в Софийском университете. Именно в Болгарии сложится основной костяк сообщества, члены которого разработают идеологию, а в дальнейшем изыщут организационные формы существования евразийского движения. Среди авторов вышедшего в 1921 г. в Софии сборника «Исход к Востоку», помимо Н. С. Трубецкого, обозначены П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский².

Уже на первых страницах «Предисловия» к изданию будущие евразийцы определили свою позицию по одному из самых обсуждаемых в эмигрантской среде вопросов – «Россия и Запад»: «Мы чтим прошлое и настоящее европейской культуры, но не её мы видим в будущем... Смотреть, вслед за некоторыми западниками на Россию, как на культурную провинцию Европы, с запозданием повторяющую ее зады, в наши дни возможно лишь для тех, в ком шаблоны мышления превозмогают власть исторической правды...»³.

Тема была продолжена Н. С. Трубецким в статье «Об истинном и ложном национализме». С точки зрения автора, подавление самобытной национальной культуры любого народа, включая русский, является ошибкой. Попытки подражать, а того хуже механически, бездумно переносить в свой мир чужую культуру приводит к обезличиванию. Как правило, это делается под благовидными предложениями включения в «семью цивилизованных народов», приобщению к «общечеловеческой культуре» и т. д. В вышедшей позже статье «Вавилонская башня и смешение языков» Николай Трубецкой напишет: «Братство народов, купленное ценой духовного обезличивания»

вания – гнусный подлог. Никакое братство и не осуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистические материальные интересы»⁴.

Именно такая история случилась с русскими, как считал ученый, после петровских реформ начала XVIII в. Русские не хотели быть «самими собой», а устремились стать «настоящими европейцами». В связи с этим Н. С. Трубецкой писал: «Европеизация, стремление к точному воспроизведению во всех областях жизни общегерманского шаблона приводит к полной утрате национальной самобытности»⁵.

Разумеется, на пути развития национальной культуры существуют свои ловушки и угрозы. В частности, это могут быть национальный эгоцентризм (ярко проявляется в высокомерии германцев), различные формы «ложного национализма», включая воинствующий шовинизм, культурный консерватизм и их разновидности. Однако, по мнению Н. С. Трубецкого, существует и «истинный национализм»: «Морально и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытности национальной культуры и направлен к такой культуре»⁶.

Тема «истинного национализма» получила развитие в изданиях и программных документах евразийцев на протяжении 20-х гг. По этому поводу Н. С. Трубецкой писал: «Национальный субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом»⁷.

Само будущее «демократическое» государство также виделось как совокупность народов, «многонародной нации» (идейные последователи, например, Л. Н. Гумилёв, назовут это суперэтном). Пребывание в едином культурном и политическом пространстве по идее должно способствовать развитию как отдельных национально-культурных областей, так и всей идеократической государственной системы.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны после 1917 г. Народная воля, бессознательными выразителями которой явились, по мнению евразийцев, большевики, породила формы демократии, также способные органично влиться в ткань будущей государственности. Следует также отдать должное политической проницательности евразийцев. Они во многом смогли уловить сущность тенденций развития Советской России. Это может быть отнесено не только к их прогнозам геополитического характера. По сути дела евразийцы стали идеологами государства «мобилизационного типа», способного к масштабным модернизаторским усилиям в течение достаточно короткого исторического отрезка.

Сохранение системы Советов с многоступенчатыми выборами, с точки зрения идеологов пореволюционного учения, устраняло опасности развития по западному пути (в первую очередь спекуляций политиков-профессионалов и многопартийности).

Плодотворным результатом революционной стихии, по мнению евразийцев, также стала национально-федеративная структура государства, как считалось, «наилучшим образом выражающая евразийскую идею». Федеративное устройство, по мнению сторонников евразийского учения, не только оттеняло многоликость культуры, но и обеспечивало сохранность ее единства. Г. В. Флоровский в статье «О патриотизме праведном и греховном» в связи с этим писал: «Как бы не относиться к программе большевиков в смысле её соответствия потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководящего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и создавать заново... важно сознание, что революция была неизбежна»⁸. Такой подход (единство в многообразии) отражал их представление об органичном сосуществовании различных национальных миров, сохранении всей полифонии культур, исторически сложившейся на евразийском континенте и недопустимости примитивной унификации. Чрезвычайно актуальна эта мировоззренческая установка в современных условиях. Западные государства в худших традициях своей колониальной истории пытаются навязать свое видение демократии всему миру. В неумемном стремлении к унификации, созданию «нового мирового порядка» используется самый разнообразный инструментарий: военная сила, информационное давление, санкции и т. д.

Новая историческая реальность, ставшая результатом невиданной трансформации российской государственности, с точки зрения идеологов евразийства, не допускала реставрации старого порядка. В одном из писем Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому говорилось буквально следующее: «Монархия фактически исключена... после потрясающей, более чем десятилетней революции, монарх может удержаться на престоле только путем беззастенчивой демагогии, потакая инстинктам толпы... Она фактически не осуществима и тактически нецелесообразна»⁹. «Чудесное воскрешение» монархической системы Н. С. Трубецкой рассматривал в качестве препятствия на пути реализации евразийских замыслов.

При всей самобытности евразийского подхода к осмыслению исторических судеб «континента Евразия» его идеологи опирались в том числе на отечественное теоретическое наследие. Вслед за консерваторами XIX в. Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым они предупреждали об опасности европеизации России, были убеждены, что наиболее жизнеспособными являются культуры отдельных национальных организмов.

В частности, тема отношений с западным миром была продолжена Николаем Трубецким в статье «Русская проблема»¹⁰.

Крайне опасным автору статьи виделся геополитический перекокс в сторону западного мира. Само по себе взаимодействие с западными соседями полностью не отторгалось. Вместе с тем интересы будущей России, по мнению главного идеолога евразийства, также неразрывно связаны с Турцией, Персией, Афганистаном, Индией, «быть может, Китаем». Не западная, а азиатская ориентация страны должна стать спасительной: «Будущее России, стоящей во главе своих азиатских сестёр, в их совместной борьбе против романо-германской европейской цивилизации... В победоносном исходе этой борьбы – единственная надежда на спасение»¹¹. Таким образом, «новая историческая роль» Русского государства виделась ученому в консолидации народов Востока перед лицом неизбежной западной экспансии и он предсказал будущее. Менее чем через 20 лет объединенная Гитлером Европа под благовидным предлогом борьбы с мировым злом – коммунизмом – предпримет очередную попытку покорить Россию и Восток.

Такой подход Николая Трубецкого стал смелой попыткой переосмыслить теоретические конструкции, возводившиеся эмигрантской мыслью. По большому счету речь шла не только о качественно ином осмыслении исторического опыта России, но и об определении вероятного вектора развития государства. В значительной мере Восток был (и остается поныне) политической загадкой для европейской науки и это придавало естественность и объективность явлениям, перед необходимостью разгадки которых оказался российский просвещенный класс. Близость России к Востоку проясняла многое из того, что было непонятно при идентификации ее как «европейской державы».

Весьма красноречивым и убедительным представляется созданный на этом фоне образ «западного мира»: «Война смысла белила и румяна «гуманной» романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, лязгающего зубами»¹².

Вполне определенной виделась судьба России в контексте отношений с западным миром: «Пока её не поделят и не отдадут одному из романо-германских зверей, Мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для европейцев»¹³. В связи с этим Николай Трубецкий предлагал отмечать все иллюзии в отношении «филантропичности» западных соседей. Любое их содействие или помощь обескровленной стране будет незамедлительно использовано в собственных национальных интересах. Скорее всего «России будет предоставлена тень, видимость самостоятельности... будет посажено безусловно покорное

иностранцам правительство... если не произойдет чуда»¹⁴. Этот, по сути колониальный проект, привычным образом будут воплощать в жизнь «реальные европейские политики».

Тема восстановления и сохранения исторически сложившейся территориальной целостности страны волновала даже далеких от политики эмигрантов. Например, клеймил позором сторонников кабального Версальского договора, юридически закрепившего раздел Российского государства, русский писатель И. Ф. Наживин. Еще более непримиримой была его позиция в отношении либеральных планов будущего устройства страны. Показательна в этой связи его реакция на «заигрывание» лидера эмигрантских либералов с украинскими сепаратистами. Так, жесточайшей критике была подвергнута встреча П. Н. Милюкова и «самостийников» в Праге, где, в частности, признавалось возможность будущего мирного сосуществования «Великороссии» и «Украины» как самостоятельных субъектов мировой политики.

Какой же перед лицом колониальной перспективы виделась будущность советской власти? В эмиграции по этому насущному вопросу велась острейшая полемика. С точки зрения Николая Трубецкого, либо большевики смиряются и отступят перед западным давлением, либо будут вынуждены передать власть «другому покорному правительству. Третьего не дано»¹⁵. Прогноз оказался неточным. Как и большинство русских эмигрантов да и европейских аналитиков, Н. С. Трубецкой недооценил политические и организационные возможности новой власти. Даже в самой евразийской среде к концу 20-х гг. сформировались два непримиримых подхода (сторонники и противники) в отношении происходящего в Советской России, что послужило одной из причин Кламарского раскола. В статье «Мы и другие» Н. С. Трубецкой писал: «Большевизм есть движение разрушительное, а евразийство – созидательное. Оба движения противоположны друг другу и никакое сотрудничество между ними немыслимо. Большеизм – движение богоборческое, евразийство – религиозное, богоутверждающее»¹⁶.

Однако «чудо» случилось и его сумел предсказать близкий к евразийским кругам русский правовед и философ Николай Устрялов. Будучи свидетелем и участником гражданской войны, он пришел к выводу о неизбежности «обмирщения красной церкви» и переориентации советской власти на путь национально-государственного строительства. Это, по его мнению, был «третий путь», который должен привести страну к «созданию культурно-государственного типа, авторитетного для запада» и формированию «первоклассной мировой державы»¹⁷.

Серьезным препятствием на пути создания новой государственности являлась, по мнению евразийцев, культурная ориентация

русской интеллигенции, ее увлеченность западными идеями.

Главным делом будущего, с точки зрения князя Н. С. Трубецкого, должно стать освобождение интеллигентского сознания от западных идейных шор и освоение богатств национальной русской духовной стихии. Задачу коренного нравственного перерождения интеллигенции он сформулировал следующим образом: «Мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры тех заимствованных с Запада общественных идеалов и предрассудков, которыми направлялось до сих пор мышление нашей интеллигенции»¹⁸.

Пребывание русского интеллигента в плену западной культуры не только сыграло трагическую роль в прошлом, но «может оказаться роковым для России в будущем». В условиях неизбежной конфронтации европейской цивилизации и России русская интеллигенция, по мнению автора, видя перед собой отсталую страну, «без зазрения совести» пойдет служить иностранцам¹⁹. Тем самым Н. С. Трубецкой еще в 1922 г. не исключал возможности использования Западом русского просвещенного слоя в качестве орудия расшатывания будущей российской государственности и реализации своих интересов.

В «громадной» работе по созданию «нового мировоззрения», познанию «сокровищницы национальной русской духовной стихии» нашлось место и для людей, по разным причинам оказавшимся за пределами своего Отечества. Обращаясь к выходцам из России, Н. С. Трубецкой утверждал: «Если эмиграция хочет действительно сыграть почетную роль в истории России, ей нужно бросить всю эту недостойную игру в политику и заняться работой по перестройке духовной культуры... в противном случае будущий историк вынесет тяжкий приговор»²⁰.

Стабильное существование и развитие любой социальной системы немислимо без понятной и разделяемой большинством идеи развития. Особый смысл объединяющая идея, воплощенная в действиях авторитетного духовно-политического центра, имеет для русского человека. Это хорошо понимали в эмигрантской среде. Например, Василий Шульгин считал, что лучшие качества русских раскрываются «будучи толкаемы в одном направлении». Отсутствие консолидирующей идеи парализуют духовную энергию народа и порождает «неистовые взаимотрения... грызнию, взаимное недоброжелательство»²¹. Собственно, непосредственный опыт русского зарубежья, буквально погрязшего в «борьбе всех против всех», явился лучшим подтверждением этой мысли. Неоднократные попытки объединить эмиграцию, взявшую на вооружение идею европейского плюрализма, так и не увенчались успехом. Исходя из этого, русские евразийцы считали неприемлемым использование европейского политического опыта для будущего русского государственного строительства. Критикуя

западную демократию, Николай Трубецкой указывал на манипулятивный характер управления общественным сознанием. По его мнению, суть системы состоит в том, «чтобы внушать группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан»²².

«Европейская идеологическая дорога... справа налево пройдена до конца... не только вся она приводит в тупик, но нет на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться» – так с призывом бросить «европейскую идеологическую дорогу» («целиком и окончательно») обратился к соотечественникам Н. С. Трубецкой в 1923 г. В статье «У дверей реакция? Революция?» он писал: «Мы, русские, должны, прежде всего, отказаться от европейских форм политического мышления, перестать поклоняться идолу (к тому же чуждому) формы правления, перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие»²³.

На вопрос неприемлемости римского права для русского правосознания обращал постоянное внимание выдающийся юрист, сторонник евразийского учения Н. Н. Алексеев. Будучи разработчиком теории «гарантийного государства», он утверждал, что право в России должно строиться на иных началах, нежели на Западе. Связано это в первую очередь с тем, что страна создавалась при преимущественном преобладании «начала обязанностей над началами права». Кроме того, с точки зрения Н. Н. Алексеева, русское понимание правды и западное право не всегда совпадают. Эта позиция нашла отражение в программном евразийском документе «Евразийство (опыт системного изложения)»: «Римское право в России не прижилось. Его принципы слишком чужды духу русского правосознания»²⁴.

По убеждениям автора грядущий идеал следует искать не в отвлеченном европейском рационализме, а «в духе, созидающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию»²⁵.

Исключительное значение идеологии в деле государственного строительства подчеркивалось в издании «Евразийство (опыт системного изложения)»: «Идеология, будучи смыслом и существом конкретной действительности, раскрывается в систему и программу... объясняет путь и сознательно-волевое воздействие на него»²⁶.

Анализ европейской действительности, а также весьма жесткая реакция определенных кругов эмиграции актуализировали в евразийском сообществе еще одну тему – тему свободы личности.

Противники евразийской модели общества утверждали, что предложенный порядок мироустройства приводит к нивелированию индивидуального начала, превращению личности в звено государственного механизма. Однако большинство сторонников евразийского мировоззрения

также считали недопустимым «поглощение личности» даже в случае реализации плана тотального «огосударствления» всех сфер жизни.

«Воззрение на возможность полного поглощения личности обществом должно быть решительно отвергнуто»²⁷, – писал Н. Н. Алексеев. Мысль о недопустимости полного обобществления и подавления частной хозяйственной инициативы нашла отражение в сборнике «Евразийство...»: «При полном обобществлении личность становится бессильной и бесправной перед лицом общества-государства»²⁸. В этом же издании дано евразийское понимание свободы, как основополагающей категории будущего мироустройства: «Евразийство ценит и чтит начало свободы, однако не делает из него идола. Свобода сама по себе есть идея, лишенная содержания и приобретающая ценностный смысл в зависимости от того, чем она наполнена»²⁹.

Николай Сергеевич Трубецкой в процессе разработки теории евразийской государственности также неоднократно обращался к проблеме сочетания индивидуально-личностного и общего. Поиск оптимального соотношения этих двух начал стал предметом бурного обсуждения на страницах эмигрантской прессы, в евразийских кружках, где обсуждались статьи Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Н. Н. Алексеева и других лидеров евразийской когорты. В фонде 5783 (Савицкий Пётр Николаевич) ГАРФа представлены протоколы заседаний евразийских групп. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что на протяжении 20-х годов в Европе была создана и успешно работала евразийская сеть со своей идеологией и организационной структурой.

Констатируя бесспорный факт общественного резонанса, Н. Трубецкой отмечал, что в нападениях на евразийство объединились представители разных лагерей, «начиная с 3-го Интернационала и кончая русскими национально-монархическими кругами»³⁰.

Сам Н. С. Трубецкой решение насущной социальной проблемы соотношения индивидуально-личностного и общего связывал в первую очередь с продуманной системой отбора людей во власть, то есть «правлящего слоя». Этот правящий слой, с его точки зрения, должен чувствовать, воспринимать и воплощать в практической политике интересы народа. В статье «О государственном строе и форме правления» он утверждал, что не форма правления, как таковая, а «тип отбора» правящего слоя – определяющая характеристика государства. Именно люди с их человеческими качествами, умением работать и чувствовать пульс развития общества определяют лицо власти³¹.

Как представляется, поставленный евразийцами вопрос грамотного отбора людей во власть остается актуальным поныне. Кадровая ситуация и внутриэлитные отношения в системе российской власти сегодня больше напоминают

классический античный клиентелизм, где интересы патрона выше интересов людей. Такое состояние вещей во все времена обращалось против власть имущих.

Тем не менее проблема «взаимообщения правительства, правящего класса и народных масс» хоть и была поставлена, но не была до конца разработана теоретиками евразийства.

Научная и организаторская деятельность лидера русских евразийцев, князя Николая Сергеевича Трубецкого – пример преданного служения своей Родине (даже за ее пределами), вдумчивого и проницательного анализа социально-политических процессов, протекавших в России и мире, в том числе с позиции футурологии. Н. С. Трубецкому вместе с соратниками удалось создать во многом оригинальное, теоретически и философски проработанное учение. Не будет преувеличением сказать, что многие его оценки и суждения оказались просто пророческими, свидетельством чего стало постоянное внимание к идеям русского евразийства со стороны современных политиков, общественных деятелей и даже появление «неоевразийства».

Авторское видение животрепещущих проблем, таких как роль культуры в преобразовании общества, грамотная организация взаимодействия власти и народа, влияние и формирование правящего слоя, национальное строительство и многое другое, сохраняют свою актуальность и в наши дни. И несмотря на то, что ряд оценок Н. С. Трубецкого носит дискуссионный характер, его теоретическое наследие и деятельность – достойный вклад в сокровищницу русской политической мысли и историю страны.

Примечания

- 1 Кочаровский К. Р. Зарубежье и Отечество. В чём мы согласны-что нам делать. Белград : [б. и.], 1937. С. 13.
- 2 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София : Тип. «Балкан», 1921.
- 3 Там же. С. 4.
- 4 Евразийский временник : в 3 кн. Кн. 3. Берлин : Евразийское книгоизд-во, 1923. С. 144.
- 5 Там же. С. 80.
- 6 Там же. С. 79.
- 7 Евразийская хроника : в XII вып. Вып. IX. Париж : [б. и.], 1927. С. 28.
- 8 На путях. Утверждение евразийцев. Берлин : Геликон, 1922. С. 235.
- 9 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 77.
- 10 См.: На путях. Утверждение евразийцев. С. 296–316.
- 11 Трубецкой Н. С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. С. 306.
- 12 Там же. С. 296.
- 13 Там же. С. 297.
- 14 Там же. С. 298.

- ¹⁵ Трубецкой Н. С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. С. 302.
- ¹⁶ Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 80.
- ¹⁷ Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 108.
- ¹⁸ Трубецкой Н. С. Русская проблема. С. 314.
- ¹⁹ Там же. С. 307.
- ²⁰ Там же. С. 316.
- ²¹ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. СПб. : Изд-во «Хорос», 1992. С. 95.
- ²² Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С. 5.
- ²³ Трубецкой Н. С. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. Кн. 3. С. 28.
- ²⁴ Евразийство (опыт системного изложения). Париж ; Берлин : Евразийское книгоизд-во, 1926. С. 65.
- ²⁵ Там же. С. 28.
- ²⁶ Там же. С. 17.
- ²⁷ Алексеев Н. Н. Евразийство и марксизм // Евразийский сборник. Прага, 1929. С. 14.
- ²⁸ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1932. С. 19.
- ²⁹ Там же. С. 11.
- ³⁰ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 149.
- ³¹ Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. С. 4.

Образец для цитирования:

Митрохин В. А. «Европейская идеологическая дорога пройдена...» (евразийский взгляд Николая Трубецкого) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 433–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>

Cite this article as:

Mitrokhin V. A. "European Ideological Path has been Passed over..." (Eurasian Stance of Nickolay Trubetskoy). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 433–438 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>